

Ольга Люкшина

12+

Опара.
городок

**ИСТОРИЯ
ХЛЕБОРЕИ**

Ольга Люкшина
Опара – городок

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Люкшина О. В.

Опара – городок / О. В. Люкшина — «ЛитРес: Самиздат», 2008

В столицу Хлебореи Опару-городок прилетает ворона Зевака. Наблюдая со стороны за разной сдобой, она знакомится с настоящими потомками Великого Колобка, Ржаными и Пшеничными хлебными человечками, для которых самой важной ценностью является семья и её история.

Содержание

Встречаемся с духом или открываем духовку	5
Противень 1. Опара-городок	9
Противень 2. Семья Пшеничных	21
Противень 3. Пшеничные и Ромовая Бабка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Встречаемся с духом или открываем духовку

В Ягодный лес как сумасшедшая ворвалась зачарованная осень, которую хлеборейцы называли Озимой. С высоты птичьего полета был виден заповедник, раскинувшийся внизу, как пестрый самотканый ковер. На болотных кочках загорелись красными огоньками бусины клюквы. Кудрявая облепиха протянула ветви, усыпанные оранжевыми плодами, навстречу жёлтому Солнцу. Оно напоминало дымящийся с пылу с жару гигантский Колобок. Солнце с восторгом наблюдало за тем, как преображалась зелень, изменяя оттенки, а потом и цвет. Светило прохаживалось по дымчато-голубому небу, как небесный странник. Яркая звезда обладала необыкновенным любопытством. То, что творилось на Земле, всегда вызывало у Солнца жгучий интерес.

Неожиданно прямо в воздухе, на границе двух миров, в синем-пресинем поднебесье, стали развиваться захватывающие события.

Над непроходимой чащей в чудовищном фиолетовом вихре закружилась очумевшая стая птиц. Чёрным клубком, задевая кроны деревьев, прокатилась под сгустком облаков зловещая масса, теряя на ходу смоляные перья. Сородичи с ожесточением клевали самую мелкую ворону. В драке бедняжка почти полностью потеряла хвост. Птицы-преследователи больше походили не на семью, а на банду, где не щадили ни своих, ни чужих. На фоне Солнца, сильно раскалившегося от возмущения, образовалась растущая как на дрожжах круглая тень, которая с

каждой секундой всё больше и больше становилась похожей на хлебный дух великого поэта и путешественника Колобка. Яркая вспышка света и страшный гром быстро распутали птичий клубок. Шаровая молния расколола воздушную массу на две части. Всё видимое над землёй пространство стало чёрно-белым. Пернатых накрыло ударной волной.

Вожак стаи, отлетевший в сторону от сородичей, испуганно посмотрел вверх. Солнце и крылатый дух Колобка стали единым целым. Две старые вороны, вцепившиеся в жертву, отпустили молодую птицу, как только молния опалила им крылья. Бесхвостая раненая ворона метнулась к Молочной реке. Там, на другом высоком берегу, возвышается необыкновенно кра-

сивый город Опара, столица огромной страны под названием Хлеборея, где живут настоящие потомки Великого Колобка. Там её спасение. Там для неё начнётся новая жизнь.

Когда беглянка скрылась за горизонтом, чёрная стая перелетела в рощу. Сторожевые птицы сели на высокую берёзу, покрытую охровой листвой. На охраняемой бересте корявыми буквами было нацарапано: «Здесь был Колобок». Пичуги, проводники между мирами живых и мёртвых хлебных человечков, ржанных и пшеничных духов, возмущённо загалдели, закаркали. В Ягодном лесу под корягами, пнями, деревьями или кустами – всюду прятались загадки. Семейство врановых берегло главную заповедную тайну – тайну жизни и смерти Колобка.

– Надо её вернуть, – сказал вожак стаи, которого звали Кликун.

– Она слишком много знает... – важно изрекла противным скрипучим голосом старая ворона. Выдерга, так звали старушку, гордилась тем, что выдернула из хвоста беглянки самые красивые перья.

– У меня больше нет сил таскать по воздуху тяжёлую повозку со злаками и ветром Хлебореем... – безжизненно обронил старый ворон по имени Коняга. – Рассыпать по миру зёрна ржи, пшеницы и овса – тяжёлый физический труд... Я уже не молод, и мне нужна замена...

– Если не посеять семена осенью, весной не появится новый хлеб! Осима нам этого не простит! – Кликун, как самый ответственный ворон, тревожился не только о хлеборейцах, но и о собственной стае.

– Вот-вот, мать ветра Хлеборея Осима сживёт нас со свету, если мы будем плохо выполнять нашу работу... А у меня больше нет сил... – Коняга тяжело вздохнул.

– Вечно ты жалуешься, противно слушать! – недовольно каркнула его жена-старушка.

– Я не жалею... – вяло оправдывался дряхлый воронок, – а беспокоюсь... – Коняга опять вздохнул и добавил: – Только бы она не наделала глупостей!

– Я думаю, что Зевака вернётся сама... – предположил Кликун.

– Подумаешь, заклевали, с кем не бывает! Несмотря ни на что, каждый должен жить в своей семье! – произнесла Выдерга нравоучительным тоном. – Опарцы не примут её, она им чужая. И городские птицы тоже чужие.

– Только нам дух Великого Колобка сообщил о страдании перемен, – философски каркнул усталый Коняга. – Жаль, что она не успела об этом узнать, потому что ещё очень-очень молода...

– Да! – отчеканил вожак. – Теперь всё узнает на собственном опыте. Любая перемена в жизни несёт новые страдания... Колобок узнал об этом первым, когда покинул родительский дом...

– Вот дурья башка, пустая голова! – выпалила пожилая каркуша.

– Вот раззява, разиня и ротозейка! – добавил вожак.

– Нет! Теперь её можно называть «голова садовая»! – выдала Выдерга. – Или «садовая голова»!

– Это почему же? – в один голос спросили родственники.

– Да потому, что Опара – это город-сад! – весело сообщила костлявая ворона.

– Кар! Кар! Кар! Кар! Кар! – засмеялись пернатые так сильно, что с берёзы посыпались мёртвые листья.

Противень 1. Опара-городок

Молодая ворона по имени Зевака, получившая от сородичей кличку «садовая голова», парила над бескрайней Хлебореей, над волшебной Молочной рекой, которая питала кисельными берегами и лесных жителей, и горожан. Свободная и независимая, Зевака летела навстречу мечте – начать новую жизнь. Ворону давно привлекала столица Опара, её огни, веселье и главное – запах. Все города хлеборейского государства кроме неповторимого облика имели особую атмосферу. От города Тортищева за версту доносились пряные оттенки ванили и летучие нотки какао-бобов. Хутор Сухомятка благоухал мёдом и орехами. Дарницкий курорт обладал неповторимым букетом свежести. Если ветер Хлеборей дул с юга, то до Ягодного леса долетал запах специй, фруктов и экзотических ягод. Столица, куда отправилась любопытная ворона, вкусно пахла хлебом, свежей выпечкой, бесподобной сдобой, в запахе которой улавливался лёгкий и неуловимый яблочный аромат.

Позади птицы остался правый берег реки, утопающий в густом и вязком клюквенном киселе. До левого берега лететь осталось совсем недалеко, а там можно будет отдохнуть и отведать на пристани другого киселя – яблочного.

Навстречу чёрной Зеваке неслась белая чайка, которая сопровождала паром, державший курс на заповедник. За штурвалом в тельняшке стоял капитан Расстегай. На палубе разместились Профитроли из соседнего городка Тортищева, держа в руках пустые корзины. Совсем недавно в Ягодном лесу дикие звери объявили сбор клюквы, и многие хлеборейцы торопились собрать витамины, которыми радушно делилась с ними природа и хозяин заповедника – медведь. Пролетая над плавучим средством, ворона увидела у горожан разрешительные берестяные грамоты с отпечатком когтистой медвежьей лапы.

– Интересно, – рассуждала вслух птица-путешественница, – после смерти Колобка его потомкам можно попасть в лес только по документам. Для диких животных тоже наверняка должны быть какие-то пропуска...

Несмотря на молодость, ворона была наблюдательной и очень-очень умной. Её догадка оказалась верна. Как только лесную пернатую заметила Кулебяка, которая работала на пароме контролёром и сторожем, она оглушительно засвистела.

– Куда летишь? – крикнула сторожиха. – Разрешение на полёт имеется?

Ворона испугалась и отрицательно замотала в воздухе головой.

– Без разрешения градоначальника Ковриги и начальника полиции Сухаря в город Опару диким животным въезд и влёт запрещён! – Кулебяка с огромным удовольствием горланила в рупор.

Ворона притворилась, что возвращается обратно в лес. Она сделала вид, что разворачивается, а потом неожиданно набрала высоту и стремительно полетела навстречу мечте. Ей непременно нужно было побывать в столице Хлебореи.

«Ягодный лес слишком мал для меня, – твёрдо решила для себя Зевака. – А полёты в другие страны и неизведанные места обогащают, расширяют горизонт, дают новые знания. Я должна познакомиться с хлебным народом, узнать, как живут потомки Великого Колобка!»

Опара-городок встретил ворону неласково. Пролетая над Перевозным предпортовым переулком, «садовая голова», как её прозвали сородичи, столкнулась с пожарной каланчой. Набив шишку, она с огромным трудом полетела дальше. А вдогонку несчастная туристка получила от главного пожарного Кренделя мощную струю холодной воды.

Осень в Опаре необыкновенно хороша! Городская садово-парковая культура у хлеборейцев была на самом высоком уровне. Но лесной беглянке некогда было любоваться красотами. Пернатой необходимо было обсохнуть, найти подходящее убежище, свить гнездо. В это солнечное утро горожане были заняты сбором урожая яблок.

Директор консервного завода Пончик лично следил за тем, как его подопечные Сладкие Пирожки собирали самые спелые и сочные плоды. Увидев парящую в небе чёрную зловещую птицу, работники от страха бросились врассыпную.

Пончик, уплетавший в это время сочное яблоко, единственный сохранил силу хлебного духа, спокойствие и храбрость.

– Куда? – прочавкал он, когда мимо него со всех ног пронёсся Брусничный Пирожок. – А работать кто будет? – Директор схватил нерадивого собиральщика за шиворот и приподнял.

– Все бегут – и я бегу, – семена в воздухе ножками, промямлил подчинённый.

Пончик опустил испуганного Пирожка на землю и запустил в ворону огрызком, который угодил ей прямо в темечко.

– Видишь, как надо. В яблоках вся сила! Вот я яблоки ем и никого не боюсь!

– Ведь мы-то не едим, а только собираем, потому и страшно, – пытался оправдаться Пирожок.

«Садовая голова» так и не узнала, чем закончился этот диалог. Удар огрызком оказался не столько болезненным, сколько оскорбительным. Именно поэтому оставаться рядом с Пончиком и Пирожками дальше не имело смысла.

«Вот я и прилетела... – на лету выразила сожаление несчастная птичка. – На новом месте одни страдания. Все меня гоняют, никому я здесь не нужна. Что же делать?»

Впереди показался городской парк. Сверху он походил на миниатюрный Ягодный лес.

– Какое замечательное местечко!

Местность действительно оказалась восхитительной. Всё здесь казалось одновременно и родным, и чужим. Деревья – такие же, как в заповеднике. Только между ними не узкие тропки, а широкие дорожки, усыпанные тростниковым сахарным песком. На главной аллее, которая вела к величественному памятнику, застыли странные скульптуры кухонных принадлежностей: Венчики, Взбивалки, Скалки и Колотушки, два ковша – Большой и Малый. Каменные первые Пекари – старик и старуха, родители Колобка – возвышались в самом центре городского парка.

Издали казалось, что гранитные родители первого хлебного поэта и путешественника хлебом-солью встречают столичных гостей и горожан.

«Уж они-то не обидят», – подумала ворона, решив отдохнуть на холодной каменной композиции.

Сначала пернатая плавно села на голову старика, потом, как будто спускаясь по лесенке, перешла на голову старухе и только после этого соскочила на каменный хлеб. Опустив ободраный хвост в солонку и склонив большую голову, обезображенную большой шишкой, Зевака приступила к самому главному – к изучению хлебного народа.

– Вот они – настоящие потомки Великого Колобка! – с восхищением прошептала ворона, когда увидела неподалёку группу Сушек-близнецов и Бублика. Под руководством Булочки Вертуты опарцы делали зарядку, занимались ушу.

Птице так понравились грациозные и мягкие движения физкультурников, что она решила повторить за ними. Боясь ошибиться, от сильного усердия Зевака открыла клюв и расправила крылья, как ласточка. Пытаясь удержать равновесие, она неуверенно покачивалась

на одной лапе, продолжая следить за Дырниками, хлебными изделиями, имеющими дырявые тела. Младшая Сушка обидчиво надула губки. Она неправильно поняла намерения незнакомой птицы.

– А что она дразнится?! – наябедничала Вертуте юная спортсменка.

Булочка тут же встала в стойку и повернулась к вороне, защищая дырявых учеников:

– А ну, кыш! Не мешай заниматься!

– Кыш, кыш, кыш! – как по команде, повторили за мастером спорта близнецы.

– Я вас в обиду не дам! – закричал Бублик, снимая с шеи шарфик и размахивая им в воздухе, как арканом.

Ворона вспорхнула с каменного подноса, который намертво сросся с праздничным хлебом, солонкой и первыми пекарями, и полетела прочь от семейства Дырников – хлеборейцев, внутри которых зияла пустота.

«Эх! Пролететь бы через пустобрюхость навывлет! – размечталась ворона. – Может быть, тогда эти опарцы подберут!»

Неожиданно рядом с ней в воздухе оказалась стая недружелюбно настроенных парковых птиц. Галки, голуби и воробьи попытались прогнать крылатую незнакомку.

– Впереди какая-то площадка... похоже, что детская... И там никого нет... значит... можно спрятаться... кар!!! – закричала ворона, отбиваясь от очередных преследователей.

Стоило лесной гостье приземлиться на горку, как пернатые мучители сразу исчезли, будто их и не было. Вдруг как из-под земли на огороженном участке оказались подростки – две Баранки и Крутон. Весёлая компания облюбовала сахарную песочницу, в центре которой располагался ещё один памятник – молодой Крендель с балалайкой. Шумные опарцы расположились на краю песочницы, достали бутылку рома и стали распивать её, передавая по кругу.

«Садовая голова» никогда раньше не видела алкогольных напитков. Она осторожно подкралась к подросткам, но юные опарцы не обратили на неё никакого внимания. После выпитого новые Дырники во главе с крутым Крутоном громко захохотали и замахали ручками, тол-

кая друг друга. Птица осмелела и села на каменную балалайку. Она подумала, что наконец-то нашла тех, с кем можно подружиться. Только пернатая об этом подумала, как Крутон со всего размаха разбил об памятник пустую бутылку. Зелёные стекляшки посыпались в песок. Хулиганы вскочили с мест и запрыгали по детской площадке, как самые настоящие дикари.

– Кошмарр! Каррр! – проверещала лесная жительница, взмывая ввысь над парком. – Да здесь страшнее, чем в Ягодном лесу!

Из последних сил голодная и уставшая «садовая голова» перелетела через проспект Пекарей и попала в Мучной переулок, где было всего два домика – один большой, двухэтажный, другой поменьше.

Ворона уселась на крышу неказистой хатки Ромовой Бабки, чтобы передохнуть.

– Здесь наверняка проживает одинокий добрый хлебовец... – решила измученная птичка.

Над трубой домика кружевной струйкой вился сизый дымок. Ворона вдохнула благовоение, и у неё моментально закружилась голова. Одурманенная, она кубарем покатилась с крыши, как сухой осенний лист, и оказалась на земле, под ногами у четы Старших Пшеничных хлеборейцев.

Пшеничная старушка, которую звали Тюрей, выглядела величаво и носила высокую причёску в виде шишки. В правой руке она держала банку солёных огурцов, а левой цеплялась за мужа, дедушку Тёртого Калача. Пшеничного старика украшала шляпа, под которой угадывалась блестящая лысина. Это хлебное изделие было старой закваски. Сам по себе он походил на замок с секретом. Дедушка всё время улыбался, отчего на щеках проступали озорные ямочки. Несмотря на то, что погода выдалась тёплой, ноги старика были обуты в валенки.

Пьяная ворона сидела посреди дороги, распутив крылья шалашиком. Зевака покачивалась из стороны в сторону, выражение её клювика стало напоминать Крутона.

– Кар! Ха! Ха! Кар! Ха! Ха! – покотившись со смеху, весело прокаркала ворона. – А ещё хлеборейцы, потомки Великого Колобка! Кар! Ха! Ха! Кар! Ха! Ха!

А потом она неожиданно заплакала:

– А ещё потомки Колобка-а-а-а... – вытирая слёзы крылом, запричитала «садовая голова».

Старшие Пшеничные остолбенели: им никогда раньше не приходилось видеть пьяных птиц.

– Вот Блин! Путается под ногами! – рассердился дед.

Бабушка Тюря раздражённо ткнула мужа в бок локтем, крепче прижимая банку с огурцами к груди:

– Опять ругаешься! Кыш надо говорить! Кыш! Кыш! Чуть банку не разбила.

– Ты посмотри, старая, какая беда с пичужкой приключилась... Ай-ай-ай... И всё из-за Ромовой Бабки. Она теперь не только молодёжь спаивает, но и птиц!

– Безобразие какое! – высказалась Тюря.

– Надо птичку с дороги убрать, а то так по ней и хлебомобиль может проехать... – посетовал Тёртый Калач.

Он оставил Тюрю одну у ограды и перетащил ворону за задние лапы в безопасное место рядом с мусорным контейнером, из которого вылетела стайка чумазных голубей.

– Вот здесь и посиди, дорогая, пусть за тобой сородичи поухаживают. А нам с бабушкой некогда, на день выпечки любимой внучки опаздываем.

Как только Тюря и Калач исчезли во дворе двухэтажного батонообразного дома, голуби окружили ворону кольцом.

– Ты кто такая? Это наша помойка! Это наш переулочек! А ну убирайся отсюда! – загалдели злючки.

– Сейчас как зак-клю-ют... – икнула «садовая голова». – Я здесь проезд-дом, – продолжая икать, пьяным голосом оправдывалась ворона. Одним крылом она схватилась за голову, а другим попыталась прикрыть ободранный хвост: – Клю, клю, клю...

– Чего? Чего? – не поняли обитатели помойки. – Клю... клю... клю-ковки?

В ответ лесная гостья произнесла непонятные отрывистые звуки, которые помоечники расценили как согласие.

– Клюковку в Ягодном лесу ищи! Нет у нас клюковки!

Ворона снова икнула:

– Клю...кля... кляч потеряла...

Замарашки расступились перед незнакомкой:

– Ну иди тогда, ищи-свищи свой ключ! В городе Опаре что угодно можно потерять – и что угодно найти. Только в нашей помойке рыться тебе никто не разрешит. Здесь нет никакого ключа!

– Клю, – икнула, согласившись с голубями-помоечниками, ворона. Почти полностью протрезвев, она отряхнулась и, как перебравший груз тяжеловес, с трудом поднялась в воздух, оставляя Мучной переулочек позади. – Как же так? Мы ведь птицы – одна большая семья! Но даже среди родственников надо быть начеку. Всё время надо что-то придумывать, изворачиваться... иначе – заклюют. Интересно, у хлеборейцев всё устроено так же, как у птиц, или по-другому?

«Садовая голова» парила над столицей, размышляя о сложной жизни и попутно любуясь архитектурой. На Загородном проспекте ей приглянулась библиотека, старинное здание с лепниной в виде колосков. На краю города квадратным пятном, на фоне картофельных огородиков, в окружении пугал, выделялся аэропорт. Над вороной мягко шёл на посадку хлебо-лёт, возможно, из соседнего города Тортищева, а может быть, с Дарницкого курорта, морского города, куда впадает быстрая и могучая Молочная река. За штурвалом летательного средства сидел авиатор Рулет.

Опасаясь столкнуться с хлеболётом, храбрая птица повернула в сторону железнодорожного полотна. На самом краю города Опары проживала стрелочница Ржаная Краюшка. Увидев пролетающую над хаткой чёрную незнакомую птицу, Краюшка выстрелила в воздух из ружья сушёным горохом.

– Моя хата с краю – ничего не знаю! – Стрелочница повторно бухнула из ружья. – Здесь летать запрещается! Только поездам можно ходить и мне с разрешения самого Ковриги!

«Ещё и со стрелочницей познакомилась! – сама себе сказала пернатая путешественница. – Теперь настала очередь посмотреть на железнодорожный вокзал».

Напротив перрона, к которому только что прибыл поезд из Тортищева, находилось самое высокое здание города Опары – хлебоскрёб. В целях безопасности «садовая голова» с ободраным хвостом села на плоскую крышу высотки.

В этот час хлеборейцев – хлебобулочного народа, различной выпечки – на вокзале оказалось предостаточно. Кого здесь только не было! Сытные Пирожки, Слойки, Пончики, Рулеты и Пирог, Ржаные и Пшеничные, Овсяные и Дарницкие, Булочки, Булки, Батоны и различные Дырники: Сушки, Бублики, Баранки, Челночки и Кольца.

Поезд из города Тортищева прибыл точно по расписанию. Столица хлебного государства всегда привлекала много туристов – Профитролей, Марципанов, Кексов, Пирожных, Тортиков и малюток Печенек. Последним из вагона вышел композитор Безе, автор оперы «Жила-была Ватрушка». Он, как и лесная беглянка, чувствовал себя в незнакомом городе неуютно.

К нему тут же подскочил носильщик – Капустный Пирожок.

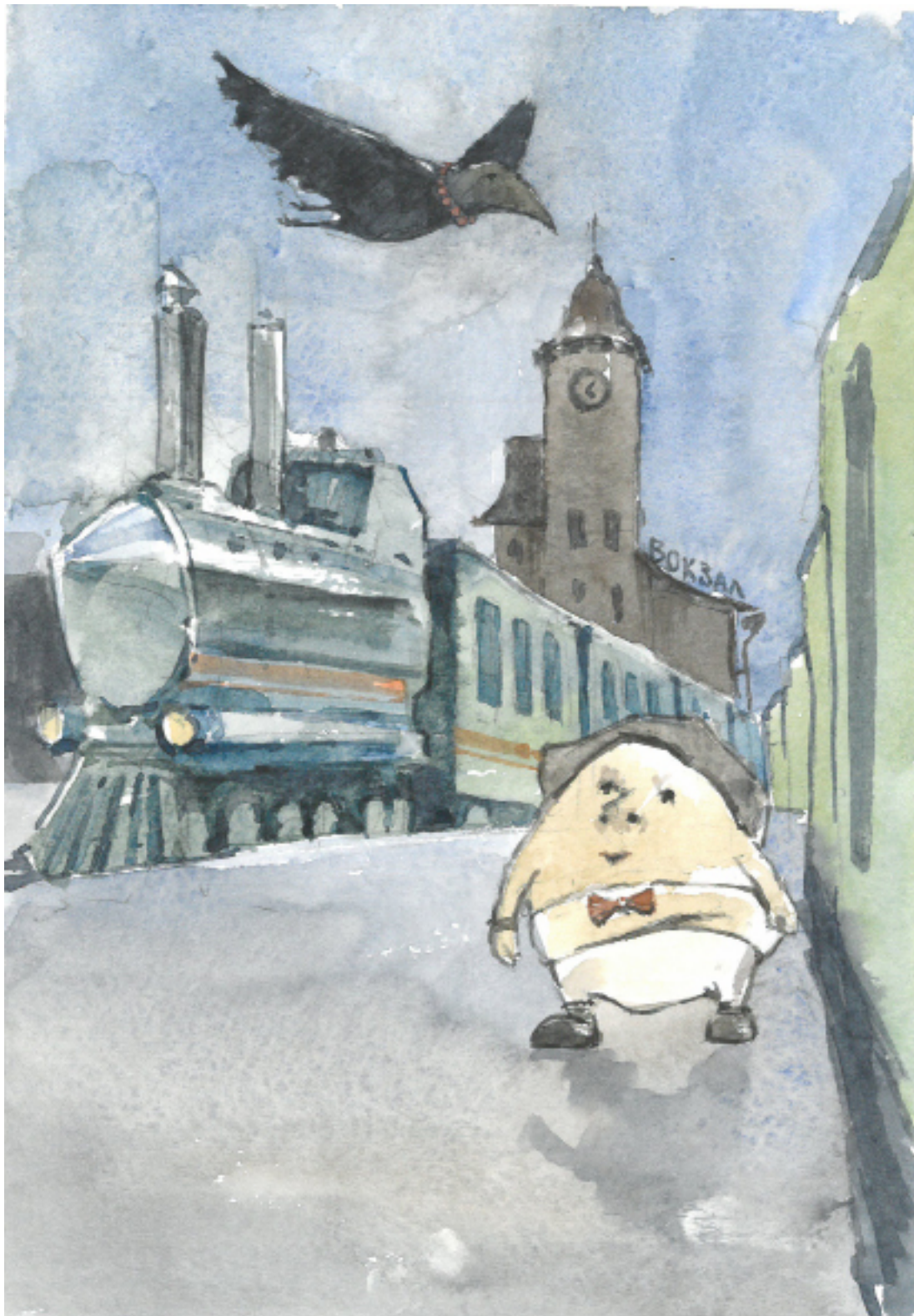
– Куда желаете? – спросил он услужливо.

– А я даже и не знаю... – на фоне загорелых и смуглых опарцев Белковый Безе выглядел как белая ворона.

– Тогда в гостиницу «Золотое яблоко», – предложил носильщик.

«Счастливый... – позавидовала «садовая голова». – А мне гостиницу придётся искать самой. А если не найду, то останусь ночевать на улице...»

С тех пор как птица оказалась в столице, прошло уже несколько часов. День заканчивался, наступал вечер. И пора было подумать о ночлеге.

Пролетая через Базарную улицу над Мельницей, птичка оказалась на площади, где находился ещё один примечательный памятник. Огромнейший металлический букет состоял из

ржанных, пшеничных и овсяных колосьев. Основание монумента украшала нравоучительная надпись: «Что посеешь – то и пожнёшь».

Вокруг памятника-снопа пронёсся на бешеной скорости белый хлебомобиль с красным крестом, за рулём которого сидел Докторский Хлебёк, знаменитый врач. Ворону испугала сирена скорой помощи, и тогда она свернула на Блинную улицу, где находился самый странный памятник под смешным названием Блин Комом. Рядом со скульптурой стоял задумчивый градоначальник Коврига. Рассматривая памятник со всех сторон, он чесал затылок и всё время повторял, как заезженная пластинка, одну-единственную фразу: «Вот Блин!»

– Горе-то какое! – тихо произнесла ворона. – А памятник-то на Жамка похож, только ещё более пожёванный, – заметила «садовая голова», разглядывая причудливую скульптуру. – Как будто его все дикие звери в нашем Ягодном лесу по очереди жевали-жевали, а потом выплёвывали... Этот памятник, наверное, называется... – ворона призадумалась. – Горе... горе... горельеф! Удивительный город Опара! Чего здесь только нет!

Ворона решила, что не будет долго задерживаться рядом с горельефом, изуродованным хлебным изделием в виде хлебного памятника. Сделав крутой вираж и перелетев через Дрожжевую улицу, она неожиданно вновь оказалась в Мучном переулке, в том самом, где её заботливо прислонил к помойке дедушка Тёртый Калач.

Противень 2. Семья Пшеничных

Из трубы домика Ромовой Бабки не переставал виться сизый дым. Отравленное алкогольными парами облако висело над помойкой, как грязная простыня. Внутри контейнера с мусором по-прежнему копошились замарашки-голуби.

Оценив обстановку, ворона решила отдохнуть на балконе батонообразного двухэтажного особняка. Из полуоткрытого окна доносились радостные голоса и приятная музыка. «Садовая голова» с детства страдала любопытством, чужая жизнь всегда вызывала у неё жгучий интерес. Птица клювом отодвинула занавеску и увидела то, что обычно бывает скрыто от посторонних глаз. Зевака попала на хлебное семейное торжество.

Здесь проживали младшие Пшеничные: папа Батон, мама Булка и их дети – Рогалик и Каравай. Папа был адвокатом. Даже дома он не расставался с бабочкой – специальным галстуком, который носили все хлебные юристы. Одно ухо у него было больше другого, лопуховатое. Это было связано с тем, что в детстве на него наступил медведь, который оказал Батону огромную медвежью услугу. Папа полностью потерял музыкальный слух, зато приобрёл необыкновенно острое адвокатское чутьё. Обворожительная мама, мягкая и нежная, пухлая и воздушная, вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием детей. Рогалик, старший, родился чуть-чуть недопечённым. Обладая вследствие этого тонкой кожей, он был чрезвычайно чувствительным. Именно по этой причине его увлечением было хлеборейское искусство, в основном поэзия. Между Рогаликом и младшим ребёнком, девочкой Плюшкой, была большая разница в возрасте.

В центре внимания хлебной семьи в этот чудесный вечер оказалась малышка Плюшка. Пшеничные дружно отмечали день выпечки, то есть рождения, всеобщей любимицы.

Ворона застала тот момент, когда гости отдавали подарки имениннице.

Папа Батон, чьё правое оттопыренное ухо придавало ему вид бывалого солдата, произносил речь таким тоном, каким в хлебном суде обычно провозглашали компенсацию за убытки:

– От меня и от мамы дарим тебе, дочь, костюм спящей красавицы.

У дедушки Тёртого Калача, папы адвоката, было редкое чувство юмора. Критично посмотрев на подарок, он ехидно произнёс:

– А по-простому – пижаму...

Следующим дарителем оказался Рогалик. Мальчик робко подошёл к Плюшке, как будто старшим ребёнком в семье был не он, а сестра, и продекламировал:

– Не зря сегодня я разбил свинью-копилку,
Тебе я подарю сгущёночки бутылку.

Подарок скромный мой ты вежливо прими
И кукол всех сгущёнкой накорми.

Плюшка рассмеялась в ответ, поблагодарила брата коротким «спасибо» и положила подарок на пианино, рядом с которым пылился старый аккордеон в потёртом футляре.

Бабушка Тюря каждый год дарила всем родственникам и знакомым один и тот же подарок – солёные огурцы. Корнишоны, приготовленные заботливыми руками старшей Пшеничной, отличались изысканным вкусом, потому что Тюря знала огуречный секрет. В семье старшего сына Батона она всегда чувствовала себя королевой. И сейчас она подарила внучке поистине королевский подарок – «Великие огурцы».

Сладко улыбаясь, хлебная бабушка произнесла:

– От всего сердца дарю банку солений. Это от нас с дедом.

Банка сразу оказалась на пианино, рядом с другими подарками.

Тётя Горбушка, младшая сестра Батона, заведовала в Опаре аптекой и всегда преподносила оригинальные подарки – амулеты, талисманы, букетики лекарственных трав, витамины.

Травница загадочно улыбнулась и надела на шею племянницы верёвочку с таинственным жёлтым мешочком:

– Прими, Плюшечка, от меня и от Гренки амулет на счастье!

Это был единственный подарок, который вызвал интерес у малышки. Она принялась ощупывать его, пытаясь узнать, что находится внутри. Тётя Горбушка решила удовлетворить любопытство именинницы и немного рассказала об амулете:

– Это трава «Попугай». Она будет тебя защищать.

Её дочка Гренка, весёлая девчонка с бородавкой на носу, хвастливо сообщила:

– У меня тоже есть такой мешочек, только зелёный! – Она показала его любимой бабушке Тюре и дедушке Калачу, а потом, обратившись к дяде Батону, важно изрекла: – Там пузырёк с Подлунным маслом. Мама говорит, что у каждого хлеборейца должен быть свой оберег!

Плюшка протянула пухленькие ручки к чужому амулету, чтобы лучше его рассмотреть, но неожиданно раздался звонок в дверь. Ворона за окном вздрогнула и чуть не каркнула от испуга.

Плюшка и Батон пошли открывать. Девочка бежала вслед за отцом и взволнованно лепетала:

– Скорее открывай дверь! Это бабушка Лепёшка и Жамок!

Папа впустил в дом Картофельную чету. У Жамка, опиравшегося на костыль, за плечами болтался большой мешок с корнеплодами.

Батон принял из рук гостя овощи.

– Мы уж подумали, что вы не придёте, – криво улыбнулся адвокат, поправляя съехавшую на бок бабочку.

Картофельная Лепёшка, мама Булки, возразила:

– Не могла же я пропустить день выпечки моей любимой внучки!

Лепёшка обняла Плюшку и повесила ей поверх амулета бусы из сушёных яблок.

Все вместе они прошли в гостиную.

Как только ворона увидела Жамка, который напоминал уродливый горельеф Блин Комом, с ней чуть не случился удар. Птица очень хорошо знала хлебовека с деревянной ногой, потому что тот часто бывал в Ягодном лесу. Картофельный инвалид славился тем, что мечтал стать новым хлебным героем, повторить подвиг Великого Колобка, который помог бы ему преобразовать мир, как это когда-то получилось у первопредка. Бродяжничество по заповедным тропам было его страстью. Чужой подвиг не давал ему покоя ни днём, ни ночью. Жамку не терпелось сразиться с зайцем, волком, медведем и лисой. Но никто из диких зверей не желал с ним связываться, так как Жамок отличался от хлебных человечков тем, что имел мухоморный характер. Хищники обычно его жевали и выплёвывали. Именно так он и потерял одну ногу, которую ему заменил костыль.

Опираясь на деревяшку, Жамок, внешне больше походивший на пирата, чем на Великого Колобка, с гордостью скрипнул:

– Мы с Лепёшкой поздравляем в первую очередь родителей. Без участия Булки и Батона никакую бы Плюшку не испекли. Честь им за это и хвала! Дарим вашей дружной семье мешок картошки. Это с нашего огорода.

Скоро холщовый мешок оказался на полу рядом с аккордеоном.

Мама Булка села за пианино, открыла крышку и бегло пробежалась по чёрно-белым клавишам.

– Давайте петь песню «Каравай!» Бабушка Тюра, вставайте в наш круг!

Плюшка запрыгала от радости и захлопала в ладошки. Её взяли за руки Батон и Рогалик. Хлебные человечки образовали круг и громко запели хором:

– Как на Плюшкины именины испекли мы каравай! Вот такой вышины! Вот такой низины! Вот такой ужины!

Родственники сжали бабушку Тюрю со всех сторон плотным кольцом так крепко, что у старушки перехватило дыхание.

– Вот такой ширины!

Старшая Пшеничная выдохнула с облегчением, когда круг расширился.

– Каравай, каравай, кого любишь, выбирай!

И тогда слегка придушенная бабушка Тюря фальшиво запела:

– Я люблю, конечно, всех! Ну а Плюшку – больше всех!

Гости радостно зааплодировали и закричали. Громче всех орал дедушка Тёртый Калач:

– Теперь Плюшка будет караваем! Заходи живее в круг...

У Плюшки от удивления и растерянности округлились глаза. Слова деда она поняла буквально.

Настроение её моментально испортилось, по лицу малышки пробежала тень. Грустная и задумчивая, она вяло проговорила:

– Ну, раз вы так хотите... тогда я – Каравай.

Ворона от испуга схватилась крыльями за голову:

– Что теперь будет? Кар! Что будет? Что будет? Нельзя менять имя. Это всё равно, что поменять судьбу!

Её карканье встревожило помоечных голубей, и лесной гостье пришлось быстро ретироваться из Мучного переулка. Опасаясь птичьего гриппа, «садовая голова», не подозревающая о том, что её сородичи тоже поменяли ей имя и судьбу, решила не иметь общих дел с помоечниками, питающимися объедками. Заночевать ворона решила в городском парке: там обитали чистые, ухоженные и вполне приличные птицы. Несмотря на то, что сначала местная парковая стая показалась Зевке воинственной, с ней всё равно было приятней иметь дело, чем с опустившимися на дно помойки замарашками.

Наступил поздний вечер. В городе Опаре сгустились сумерки. Закончился праздник у Пшеничных.

Плюшка, она же Каравай, надела на себя новенькую пижаму – костюм спящей красавицы. Находясь в своей комнате, сидя на кроватке, малышка, которой сегодня исполнилось ровно три дня, что по человеческим меркам равняется шести годам, гордо известила родителей:

– Теперь у меня есть «севдоним»!

Мама Булка, обращаясь к Батону, поинтересовалась:

– А что такое «севдоним»? То, что сеют?

– Нет! Это не сеют! – возмутилась Каравай.

На папином лице появилась вопросительная гримаса, адвокат промолчал и пожал плечами, потому что не знал такого слова.

– Ребёнок устал... – Мама погладила дочку по головке и обратилась к мужу: – Батон, принеси, пожалуйста, малышке ромашковый чай. А я пока почитаю ей книгу про Хлеборею.

– Мне кажется, что она ещё до этого не доросла, – засомневался отец. – Расскажи ей лучше для начала обыкновенную историю о Колобке.

– Я уже выросла, я большая! – обиделась Каравай. – У меня даже есть «севдоним»!

– Наша малышка начала заговариваться... нести бред... – хлебный юрист нашёл собственное объяснение загадочному слову.

Плюшка сердилась, когда её не понимали. Она надула пухлые губки, скрестила ручки на груди и отвернулась от родителя к стенке.

Папа тихонько прикрыл за собой дверь и отправился на кухню за успокоительным напитком для дочери.

– Твой папа прав, – Булка мягко и тихо обратилась к капризной дочери, – рассказывать обо всём надо по порядку, чтобы не было путаницы. Потому что наша огромная страна Хлеборея образовалась после подвигов Колобка.

– А кто такой Колобок? – спросила малышка, повернувшись к маме.

– Великий поэт и путешественник, учёный-натуралист, первый хлебореец!

– У него тоже есть «севдоним»? – поинтересовалась именинница.

Мама Булка растерялась. Чтобы не попасть впросак, она допустила, что у Колобка, возможно, тоже имеется «севдоним». Боясь разочаровать дочь, она пообещала, что выяснит этот вопрос в «Хлебопедии».

– Когда будет свободное время, я обязательно схожу в библиотеку на Загородный проспект. Её директор Слоёный Язычок – большой знаток истории Хлебореи и научного коллобизма – науки о том, что всё в хлебной вселенной имеет круглую форму. Он точно сможет ответить, был у нашего предка Колобка «севдоним» или нет.

После этого обещания Плюшка успокоилась, укрылась лоскутным одеяльцем и приготовилась слушать увлекательный рассказ мамы Булки о первом герое-хлеборейце.

Закрыв глаза, младшая Пшеничная представила себе Колобка таким, каким она видела его на чеканных портретах дедушки Тёртого Калача.

– Волшебная история про хлеборейцев начинается с выпечки Великого героя Колобка... – Мамин голос звучал вкрадчиво, Плюшка слушала Булкину речь, и одна картина в её голове сменяла другую. – Его мужественный образ до сих пор вдохновляет прямых потомков Колобка, опарцев, на подвиги. Первая слоба сплачивает хлеборейцев в трудные моменты, даёт силы, чтобы жить и надеяться на лучшее.

Девочка приоткрыла глаза и проговорила:

– Я тоже хочу быть такой, как Колобок.

– Все хотят, – ответила рассказчица. – В каждом хлеборейце, независимо от того, где он живёт, есть частичка Колобка, его слобный дух. Только, чтобы стать таким же, как он, надо потрудиться. Слушай внимательно, что было дальше, и не перебивай...

... Жили-были старик со старухой. Вот и говорит старик:

– Поди-ка, старуха, по коробу поскреби, по сусеку помети, не наскребёшь ли муки на Колобок?

В «Золотой Книге Пекарей», главной книге хлеборейцев, об этом событии рассказывается так: «Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела – и наскребла муки горсти две. Замесила муку на сметане, состряпала Колобок, изжарила его в масле и на окошко студить положила...»

Выпеченная в печке сдоба оказалась не простой. Скоро выяснилось, что круглый хлебец имеет собственное мнение о жизни и много планов на будущее. Колобок остыл на подоконнике

и сразу повзрослел. Прохладный ветер быстро привёл его в чувство, и первый хлебореец начал задавать вопросы: «Кто я? Зачем появился на свет?» Эти вопросы оказались философскими. И чтобы на них ответить, Колобку надо было покинуть стариков и узнать мир.

Сидя на подоконнике, Колобок огляделся по сторонам, потом обернулся и поблагодарил создателей за жизнь, которую ему подарили.

На секунду взгляд Колобка остановился на солнечном лучике, который еле заметной стрелочкой указывал на единственно правильный путь, к свободе. Незвестная дорога вела в самостоятельную взрослую жизнь, где каждый несёт ответственность сам за себя.

Колобок торопливо, будто извиняясь, попрощался:

– Всем спасибо. Мне пора.

Недолго думая, свежая и молодая сдоба прыгнула в траву.

Неизвестность манила, а дорога, петляющая между низкорослыми ёлками, кустарниками и гигантскими соснами, призывала к подвигам, звала в светлую даль.

– Что мне делать? Старик со старухой так сильно меня любят, что, скорее всего, съедят! Лучше бежать! Надо поймать удачу за хвост!

Уход от родителей оказался по-настоящему смелым поступком, позволившим Колобку стать взрослым.

Старики быстро обнаружили пропажу своего детища и попытались его догнать, но у них ничего не получилось...

Плюшка неожиданно представила, как старика скрутил приступ радикулита, точно так же, как дедушку Тёртого Калача, когда она решила поиграть с ним в догонялки. Естественно, по этой причине никакая погоня не могла состояться. Девочка хитро улыбнулась и продолжила слушать мамин рассказ.

...Сидя в избе, одинокие старики решили, что больше никогда не будут печь круглый хлеб.

– Я сделаю прямоугольную форму, – твёрдо решил старик. – Такой хлеб никуда не укатится.

– Ещё надо всегда иметь запасы разной муки: и ржаной, и пшеничной, и овсяной, и даже гречневой, – нравоучительно высказалась старуха.

– По сусекам больше не скребём! – дружно решили родители Колобка.

Утрата круглой сдобы полностью изменила жизненный уклад деда и бабы. К изготовлению нового хлеба они стали подходить творчески. Потом их назвали первыми Пекарями. В честь создателей Колобка хлеборейцы поставили в городском парке памятник и назвали их именем главный проспект города Опары.

Оказавшись в лесу один на один с дикой природой, Колобок почувствовал себя одиноким.

Постепенно страх одиночества сменился у него на интерес, любопытство ко всему новому, тайному и неизведанному.

У осины Колобок повстречал зайца-русака. Сперва он подумал, что этот зверь знает, как поймать удачу за хвост. Но потом Колобок внимательно присмотрелся к заячьему хвосту и понял, что этот мелкий зверёк вряд ли сможет ему помочь. Однако русак пообещал показать первому хлебному поэту Молочную реку и кисельные берега, где якобы можно было поймать всё, что угодно, включая удачу, которая любит вертеть хвостом. Заяц решил обмануть Колобка, чтобы съесть. А для этого ему необходимо было найти тихое местечко, где не было бы никаких конкурентов – диких зверей, готовых в любую минуту отнять вкусную добычу. Травоядный так сильно тревожился по поводу того, чтобы случайно не наткнуться на хищников, которые могли съесть его самого, что вместо того, чтобы сразу привести Колобка к Молочной реке, он начал водить первого хлебного путешественника по Ягодному лесу кругами, запутывать следы. Ох, и намучился Колобок с русаком! Вот тогда он и сочинил песенку о том, как «от бабушки ушёл, и от дедушки ушёл, и от зайца ушёл», потому что невозможно всё время ходить по замкнутому пространству. Нужно иметь мужество вовремя покинуть порочный круг.

После знакомства с зайцем Колобок повстречал волка. Он скатился с пригорка и случайно оказался в земляной яме, присыпанной осенними листьями. Сдобный герой очутился в волчьем логове. В глубокой тёмной яме недружелюбно засверкали страшные глаза оскалившегося хищника. Первый хлебный путешественник пулей вылетел из ужасной землянки и покатился прочь от опасного хищника.

Стояла поздняя осень, в лесу резко похолодало. В логове серого хищника Колобок случайно обвалился в волчьей шерсти. Нашему хлебному герою было так зябко, что он испугался, как бы не заболеть. Тогда Колобок собрал с себя волчью шерсть и свалял из неё первые валенки. Потом он нашёл старое птичье гнездо, которое валялось прямо на дороге. Внутри пустого жилища, где когда-то вылупились и оперились птенцы, путешественник, вместе с остатками скорлупы и пуха, нашёл солому и смастерил из неё шляпу, которая спасла его от дождя и снега. И только после этих важных изобретений, после того как были придуманы ремёсла, спустя много времени, главный хлебореец оставит послание на бересте...

– Знаю, знаю! – вспомнила малышка. – Видела в «Истории Хлебореи» картинку берёзы в Ягодном лесу, где нацарапано послание для хлебных потомков: – «Здесь был Колобок»!

– Когда подрастёшь, сплываешь на пароме на экскурсию в Ягодный лес. Всё увидишь собственными глазами! – Мама поправила съехавшее на пол одеяльце и продолжила рассказывать.

...В новом наряде, валенках и шляпе, с палкой в руке и с узелком, пошёл сдобный путешественник по Ягодному лесу и оказался на берегу Глазурного озера, где повстречал медведя-рыболова. Огромный голодный зверь с маленьким хвостиком сидел с удочкой у воды в зарослях рогоза и ждал, когда клюнет какая-нибудь рыбёшка, но клёва не было. Встреча с Колобком была настоящим подарком судьбы.

– Колобок, Колобок, я тебя съем! – прямо и без предисловий сказал косолапый хищник.

– Не ешь меня, я тебе песенку спою! – взмолился хлебный путешественник.

– У меня у самого в животе поёт от голода, – пожаловался медведь. – Не надо песен.

Тогда Колобок предложил медведю свою помощь.

– Вдвоём рыбачить веселей!

– Ладно, так и быть, – смягчился грозный зверь, – но, если ничего не поймает, всё равно тебя съем.

Колобок был уверен в успехе, потому что сам научился мастерить удочки и рыбачить, и знал все самые лучшие рыбные места. В те далёкие времена в Глазурном озере кроме карпов, карасей, окуньков и плотвы даже водилась Кишмень – самая редкая рыба на свете, которая могла превратить хлебовека в невидимку, если отведать из неё уши. Однако всё пошло не по плану. Медведь нечаянно опрокинул ведро, где плескался пойманный Колобком карась, а потом обиделся на нового товарища за то, что рыба ускользнула из лап.

- Всё-таки придётся тебя съесть! – заревел косолапый.
- Не получилось с рыбалкой, так, может быть, концерт?
- Я же тебя предупреждал: не надо песен...

Медленно приближаясь к испуганному хлебному герою, зверь облизнулся. Чувствуя опасность, Колобок попятился.

Несмотря на то, что медведь отказался слушать песню, первый хлебный поэт, как настоящий герой, всё равно запел:

- Я от бабушки ушёл.
- Я от дедушки ушёл...
- Я от зайца ушёл...

А от тебя, медведь, и подавно уйду!

От этих слов на душе у хлебца разлилось тепло и спокойствие. И все неприятности, выпавшие на его долю, показались ему сущим пустяком. Колобок гордо удалился от остолбеневшего от удивления хозяина Ягодного леса. Так путешественник преодолел очередное препятствие, которое могло стоить ему жизни.

Много ещё было походов у Колобка, пока он не повстречал плутовку лису. За время долгого путешествия первый хлебный человечек узнал много интересного о диких обитателях Ягодного леса, изучил флору и фауну родного края, сочинил замечательную песенку, которая полюбилась всем хлебоборейцам от мала до велика.

Он почти успел поймать удачу за хвост, когда молодая ворона вдруг захотела клюнуть его в румяный бок. Ему первым удалось вырвать из хвоста наглой птицы чёрное как смоль

перо, которым впоследствии он научился писать. Именно этим пером написал Великий Колобок ту самую берестяную грамоту, где поэтическим языком рассказал о своём удивительном путешествии, полном опасностей и приключений.

Встреча с лисой, обладающей самым красивым хвостом в округе, открыла трагическую страницу истории хлебного народа. Хищница оказалась настолько изобретательной, что Колобок даже опомниться не успел, как был обманут и съеден. Вещи Колобка лиса выплюнула и закопала под берёзой, на которой было нацарапано: «Здесь был Колобок».

Хлебные историки предполагают, что лиса обладала не только артистическими способностями, но и была отменным гипнотизёром. Потому что только в изменённом состоянии сознания, напоминающем сон, можно было добровольно сесть злодейке на нос, чтобы в последний раз спеть самую задушевную на свете хлеборейскую песню...

В дверях детской комнаты с чашкой ромашкового чая появился папа Батон. Он наконец-то принёс напиток для любимой дочери. Плюшка, она же Каравай, открыла глаза, откинула одеяльце и села, но при виде отца снова скрестила на груди маленькие пухлые ручки.

– А папа Батон мне эту историю по-другому рассказывал! Он говорил, что работал у Колобка адвокатом и защищал его интересы и от бабушки, и от дедушки, и от зайца, и от волка, и от медведя. Только от лисы он не смог защитить Колобка, потому что тот любил сладкие льстивые речи!

Папа Батон занервничал и сам залпом выпил ромашковый чай. Булка с улыбкой посмотрела сначала на мужа, потом на дочь и скептически заметила:

– Эта история произошла так давно, что папу Батона тогда ещё даже не испекли. Как все адвокаты и рыбаки, он любит немного преувеличивать.

– Кажется, чай закончился... – поперхнулся и закашлялся Батон, глядя в пустой стакан. – Придётся ещё раз его заварить.

– История о Колобке такая удивительная! – сменила гнев на милость Пшеничная малышка.

– Да, – согласилась мама, – и самое удивительное то, что каждый её трактует по-своему, исходя из личного жизненного опыта, порой забывая про факты. Поэтому правду от вымысла отличить практически невозможно...

Противень 3. Пшеничные и Ромовая Бабка

Выходной день в доме младших Пшеничных, что в Мучном переулке, выдался суматошным. Дети, Рогалик и Каравай, встали с утра раньше обычного. Рогалик, чтобы не будить родителей, тихо читал «Золотую Книгу Пекарей», которая неизменно дарила ему вдохновение. На минуту юный поэт отложил раритет в сторонку. Хлебная муза нашептала ему новое стихотворение.

– Пока не забыл, надо срочно записать... – прошептал подросток, глядя на чеканный портрет Колобка, где хлебный родоначальник сидел на пенёчке с вороньим пером в руках и берестяной грамотой на коленях.

Рогалик аккуратно вывел в блокноте:

«Путешественник и поэт –

Рукокрылый ключник.

У него на всё есть ответ.

Для опарцев он – как попутчик...»

Мальчик хотел прочитать четверостишие вслух, чтобы проверить рифмы. Но вдруг дверь его комнаты со скрипом отворилась, и в проёме показалась маленькая любопытная мордашка сестры.

– А ну не мешай! – рассердился брат. – Я тут важным делом занимаюсь, стихи сочиняю. Иди-иди отсюда, это моя комната...

Младшая Пшеничная надула губки и, громко хлопнув дверью, удалилась.

Рогалик обрадовался, что снова оказался один, и продолжил писать.

«В Колобке горит хлебный дух!

Колобок – Великий кудесник!

Его имя ласкает слух,

Он истории хлебной ровесник!»

Юный поэт снова кинул взгляд на портрет. В этот момент ему показалось, что прародок слушает и оценивает его творчество. Но только показалось – ведь по-настоящему его работу в данный момент оценивала только сестрица, которая подглядывала в замочную скважину за старшим братцем, увлечённым «Золотой Книгой Пекарей», поэзией и Колобком. У малышки увлечений пока никаких не было, она страдала от скуки, и развлечь ребёнка было некому, так как родители ещё спали.

У Рогалика от вдохновения загорелись глаза. Родились новые строки о Великом Колобке, и он продолжил писать.

«От него зародился народ –

Из пшеницы, из ржи, из овсянки...»

Плюшка за дверью решила тоже внести поэтический вклад и подхватила за братом, произнесла вслух:

– Но возможно, что даже из манки...

Ну когда же нальют мне компот?!

– Что ещё за компот!? Когда закончится это безобразие! Кто-нибудь, уберите её от меня! – возмутился поэт.

Но убрать надоедливую девочку было некому.

– Раз меня никто не кормит и не поит, и никто со мной не хочет играть, – решила Плюшка, – тогда я устрою концерт!

Младшая Пшеничная отправилась в гостиную. С огромным трудом она откинула тяжёлую крышку пианино, села на круглый стульчик и начала нажимать только на чёрные клавиши, потому что настроение тоже было чёрным. Батонообразный дом содрогнулся от громоподоб-

ных низких звуков. Соседнее строение, где проживала Ромовая Бабка, мощно трянуло, как при настоящем землетрясении.

Все обитатели Мучного переулкa проснулись, включая голубей, мирно спавших на дне помойки в картофельных очистках.

Быстрее остальных пробудился папа Батон. Криво нацепив на себя бабочку и забыв позавтракать, он схватил портфель и поспешил голодным на службу. Он был готов работать даже по воскресеньям, только бы не слышать музыки, ругани и криков.

Следом за мужем пробудилась и Булка. Она надела фартук и приступила к приготовлению любимой еды для младшей дочери. Каждое утро мама варила не только яблочный компот, но и чечевичную похлёбку, которую приходилось есть не только капризуле, но и остальным домочадцам. И Рогалику, и папе Батону это очень не нравилось – им хотелось разнообразия в еде. Но так как все Пшеничные являлись прямыми потомками Великого Колобка, то терпение их было безграничным. Именно поэтому в этой семье не возникало никаких протестов из-за маминой стряпни. Хотя недовольство всё-таки зрело. Рогалик от чечевичного раздражения всё больше и больше погружался в изучение «Золотой Книги Пекарей», а его отец – в хлебные законы, где он искал юридические способы избавить хлеборейцев от излишнего потребления бобовых, включая фасоль и горох.

Тем временем Плюшка, она же Каравай, самозабвенно продолжала извлекать из пианино устрашающие звуки, которые могли бы разбудить даже мёртвого Колобка. Кроме игры на инструменте, малышка решила ещё и спеть. Последнее время самой модной песней в Опаре и её окрестностях была ария Ватрушки из одноимённой оперы композитора Безе.

Пшеничный дом гудел. Несмотря на жуткий шум, Булка услышала звонок в дверь. Мама выбежала из кухни с половником в руках и бросилась в прихожую.

На пороге стояли жизнерадостная бабушка Тюря и мрачный дедушка Тёртый Калач, который очень не любил ходить в гости по утрам. Старик занимался чеканкой, ваял памятники, монументы,obelisks. Он был завален работой, потому что его произведения пользовались успехом не только у жителей хлебной столицы, но и в соседних городах – Тортищеве, Дарнице и сельском поселении Сухомятке. А бабушка больше всего была занята тем, что контролировала жизнь собственных взрослых детей – сына Батона и дочери Горбушки. Под её колпаком находился и супруг, которого она таскала за собой, как какую-то важную вещь, которая всегда должна была быть под рукой.

– Здравствуйте, здравствуйте! – расплылась в приторной улыбке Тюря. – А мы не с пустыми руками. Вот вам новая банка солёных огурцов.

Мама Булка осторожно взяла банку и отнесла её на кухню.

Младшая Пшеничная наконец-то перестала терзать инструмент и, радостная, выбежала к гостям:

– Бабушка, дедушка, а вот и я!

– Кто это – я? – поинтересовался басом Тёртый Калач, опираясь на тросточку-ключ.

Плюшка застенялась, потупила взор и по слогам произнесла:

– Ка-ра-вай...

– Какой такой Каравай? – удивилась старшая Пшеничная. – Хлебный мальчик?

– Меня... Меня зовут Каравай – это мой «севдоним», – заважничала малышка.

Рогалик робко выглянул из комнаты-библиотеки. Под мышкой у него была «Золотая Книга Пекарей».

– Не «севдоним», а псевдоним, придуманное имя, – объяснил отличник. – Здравствуйте, бабушка. Здравствуйте, дедушка.

Бабушка Тюря перевела взгляд на внука и всплеснула пухлыми руками:

– Ах, внучек, ты опять с книгой, молодец!

Это была единственная фраза, которой она удостоила внука. Как только внучка скрылась в гостиной, бабушка сразу последовала за девочкой, у которой неожиданно появилось второе имя.

Дедушка, которого наконец-то перестали контролировать, расслабился. Оставшись с Рогаликом наедине, Калач с сарказмом сказал:

– Ну что, грамотей, будем ждать твоего отца. Даже в воскресенье его нет дома, всё работает и работает. Ну-ка, покажи мне, старому, чем сейчас занимается молодёжь!

Рогалик воодушевлённый тем, что на него наконец-то обратили внимание, с огромным интересом принялся рассказывать деду о своих увлечениях.

– Читаю «Золотую Книгу Пекарей».

– Зачем это тебе? – усмехнулся дед. – Всё самое интересное пишут в газете «Хлебная правда».

Рогалик не заметил иронии старика и с гордостью продолжил откровенничать:

– Эта книга вдохновляет меня на написание новых стихов!

Тёртый Калач посмотрел на искривлённую спинку старшего внука, разочарованно махнул на него рукой, как на пропащего, и критично отчеканил:

– Опять глупостями занимаешься! Не стихи надо писать, а спортом заниматься! Эх ты, Рогалик...

От этих слов чувствительный и нежный подросток согнулся ещё ниже. «Золотая Книга Пекарей» чуть не выпала у него из рук. Мальчик тяжело вздохнул и вернулся в библиотеку. Среди книг он чувствовал себя лучше всего. Знаменитые хлебные писатели и поэты – Колобок, Гоголь-Моголь, Плюшкин и Обертух – были его лучшими друзьями. И не важно, что многих из них уже не существовало на белом свете. Главным было то, что они понимали Рогалика, а Рогалик понимал их.

А дедушка Калач, как только узнал об истинных увлечениях внука, сразу потерял к нему всякий интерес.

Тёртый Калач вошёл в гостиную и прислонил трость-ключ к футляру аккордеона. Тюря с высокой причёской в виде шишки, напоминающей корону, по-королевски расположилась на диване. Старушка так расслабилась, что даже и не подозревала о грозящих ей больших неприятностях.

Неожиданно рядом с бабушкой оказалась коробка с ёлочными украшениями, гирляндами, блёстками. Каравай с ногами залезла на диван. Она как юла вертелась вокруг старушки, а та только умилялась, всё шире и шире расплываясь в слащавой улыбке. Каравай вытащила из квадратного ящичка длинную-предлинную гирлянду. Сначала она примерила её на себя, а потом на бабушку. Тюря наслаждалась общением с внучкой и совсем потеряла бдительность.

Тёртый Калач заметил на журнальном столике газету «Хлебная правда», сел в кресло и углубился в чтение, совершенно забыв про супругу и внуку. А Плюшка, она же Каравай, времени даром не теряла: она старательно отщипывала от гирлянды яркие блёстки. Бабушка же не привыкла долго сидеть без дела и решила включить хлебовизор. Загорелся экран: шёл утренний выпуск передачи «Толокно». Журналистка Яблочная Шарлотта рассказывала хлебные новости о богатом урожае яблок, о том, что в Опару из Торгищева прибыл знаменитый композитор и собиратель фольклора Безе, о том, что в музее Великого Колобка каждое утро странным образом появляются новые чеканки с изображением первопредка...

Тёртый Калач на минуту отвлёкся от чтения газеты, когда услышал последнюю новость. Она очень обрадовала старика, и дедушка загадочно улыбнулся.

Новости из музея Великого Колобка очень сильно огорчили бабушку Тюрю:

– Слышишь, Калачик! Я предупреждала тебя, что чеканки надо было отдать лично в руки директору музея Хлебному Мякишу. Теперь невежественные опарцы вроде Дырников будут думать, что картины подбрасывает в Сусеки сам Колобок.

– А если он отказывается их брать? Говорит, что вешать уже некуда. Вот скажи, старая, что мне тогда делать? Ну не в лес же на продажу их везти? И в Дарнице, и в Тортищеве, и в Сухомятке уже всё завалено чеканными Колобками... А я без работы жить не могу. Без творчества – смерть... и пустят тогда меня на панировочные сухари! – грустно ответил старик.

– А что, по поводу Ягодного леса идея совсем не плохая! Я думаю, что даже лиса наверняка хотела бы приобрести портрет того, кто прославил её имя на века... – В Тюре проснулся хлебный коммерсант.

– Так она же агрессор! – парировал дед.

– Ну и что... а зато какой! – восхищаясь масштабом лисьего преступления, прошамкала беззубым ртом Тюрю. – Такую плутовку ещё поискать! Сейчас в Опаре многие хлеборейцы говорят про лису, что от неё одна польза и никакого вреда.

– Тьфу на тебя, дура! – обиделся Калач, вновь погружаясь в газету «Хлебная правда». – Лиса сгубила лучшего представителя хлебного народа! Нет ей прощения! Нет!

Пока старшие Пшеничные обсуждали роль лисы в истории хлебного народа, девочка под псевдонимом Каравай работала не покладая рук. Малышка старательно заталкивала праздничные украшения в высокую и пышную причёску старушки. Благодаря стараниям ребёнка Тюрю очень скоро приобрела вид празднично украшенной ёлки, хотя до Нового года было ещё очень-очень далеко.

Мама Булка приготовила чечевичную похлёбку и решила пригласить детей и гостей на кухню, за стол, отведать горячего. Хозяйка вошла в гостиную и так удивилась, что даже выронила половник. Тёртый Калач отвлекся от чтения газеты, Тюрю повернула голову на резкий звук, Каравай замерла на диване, держа в руках облысевшую гирлянду.

– Караул! – крикнула Булка. – Надо срочно спасать бабушку!

Тёртый Калач, внимательно присмотревшись к Тюре, так испугался, что на короткое время потерял дар речи, а потом от испытанного шока притворился слепым и глухим.

Только Булка не растерялась, она начала командовать, героически спасать свекровь.

– Рогалик! – крикнула мама.

Хлебный поэт моментально откликнулся и прибежал в гостиную.

– Рогалик, дедушка, надо срочно пропылесосить бабушку!

Каравай поняла, что сделала что-то неправильно, и решила убежать, пока её не поймали и не наказали. В суматохе малышка спряталась в шкафу. Там было её убежище. Под одеждой девочка прятала много важных для неё вещей: кукольную посуду, детские книжки, фонарик, цветные карандаши и бумагу. Младшая Пшеничная зарылась в мамину шубу, схватила запелёнатого пупса Батончика с соской и затрясла его, закачала.

Когда Тёртый Калач всё-таки узнал любимую супругу, то к нему вернулись и слух, и голос:

– Пылесосить не будем, – отказался он, разглядывая бабушку как заморскую диковинку. – Будем вычесывать!

– Хорошо, это долго, но более надёжно, – согласилась мама Булка. – Я не хочу, чтобы прекрасные бабушкины волосы засосало в пылесос...

Каравай наконец поняла, какую ошибку она допустила. Очень осторожно, чтобы её не нашли и не призвали к ответу, малышка приоткрыла дверцу шкафа, выглянула из затемнения и дрожащим голосочком добавила:

– ...вместе с бабушкой...

Теперь настала очередь испугаться Тюре. Старушка попыталась подняться с дивана, но это ей не удалось. Ноги бабушки были крепко связаны гирляндами, теми самыми, что остались без мишуры. Крепкие, тщательно запутанные верёвки сковали старшую Пшеничную, как пленницу. Тюрю попыталась освободиться, но и руки оказались надёжно связаны.

Дедушка и мама подхватили похожую на мумию Тюрю, с трудом поставили на ноги и волоком потащили в комнату Рогалика. Втроём они попытались освободить бабушку из плена, с огромным трудом распутывая гирлянды и вытаскивая из волос старушки ёлочную мишуру.

У мамы Булки была привычка снимать стресс за пианино. Музыка действовала на неё, как успокоительное. Точно так же музыка действовала и на Каравай.

Погрустневшая девочка осторожно вылезла из шкафа. Малышка положила игрушечного Батончика сверху на пианино и, подражая маме Булке, сначала заиграла на музыкальном инструменте, а потом запела. Пока взрослые приводили бабушку Тюрю в порядок, она играла всё громче и громче, напевая арию Ватрушки из оперы Безе.

– Пусть я Ватрушка,
И пусть толстуха,
Но у меня ведь есть изю-мин-ка:
Я веселуха
И хохотуха,
Я так румяна, и я так легка!
Гремят фанфары!
Эй, Кулинары,
Спасибо вам за то, что испекли.
Мне очень дорог
Ванильный творог –
За ним отправлюсь хоть на край земли!
Творог! Творог! Творог! Творог!

Как вы уже знаете, в Мучном переулке, кроме семейства младших Пшеничных, проживала знаменитая Ромовая Бабка, которая состояла в тесном родстве с такими знаменитыми Сдобно-Дрожжевыми опарцами, как Докторский Хлебцец и Крендель. Громкое пение Плюшки разбудило соседку и вывело из себя. Всю ночь бабуля гнала на ромовом аппарате чистейший ром и, конечно, хотела поспать подольше. Тайная лаборатория Ромовой Бабки, где она занималась производством запрещённого в Опаре напитка, находилась в подвальном помещении. Вход туда располагался в жилой комнате под ковриком. Накануне Ромовая Бабка изготовила из тростникового сахара рекордное количество напитка, который собиралась распространить среди местных хулиганов и страдающих от одиночества хлеборейцев.

Когда-то Ромовая Бабка проживала в городе Тортищеве и даже была замужем за Ванильным Кексом. Позже случилось так, что ей пришлось переехать. Но избавиться от пагубных привычек она не смогла. О Кексе Бабка забыла быстро, а вот про ром забыть не могла. Даже во сне ей снились исключительно ром и ромовый аппарат, которым она невероятно дорожила, потому что без нужной техники приготовить дорогой напиток было практически невозможно.

В ту ночь Ромовой Бабке во сне привиделся змеевик с трубочками, колбочками, а также медный таз, в который капал чудодейственный напиток. Вдруг сквозь дрему она услышала припев из арии «Ватрушки». При слове «творог» Бабка резко вскочила с постели. Голова её раскалывалась, глаза слипались, соображала она плохо. Когда пение стихло, Дрожжевая сдоба опять легла, начала ворочаться с одного бока на другой, но повторно заснуть не получилось. Домик ходил ходуном, стеклянная посуда, в которую она разливала ром, дребезжала, вокруг раздавались ужасающие звуки. В Ромовой Бабке скопилось столько злости, что не передать словами! Любительница алкогольного напитка выскочила из домика как ошпаренная и побежала выяснять отношения к Пшеничным.

Этим утром комната Рогалика превратилась в штаб по спасению бабушки Тюри.

На короткое время хлебный поэт даже расстался с «Золотой Книгой Пекарей», которая теперь красовалась на самом видном месте в книжном шкафу между повестью Гоголя-Моголя «Вечера на хуторе Сухомятке» и «Научным колобизмом». Бабушка Тюрю молча сидела напро-

тив стеллажа рядом с мужем, как потрёпанная бесхвостая ворона. Старушку частично привели в порядок, освободили от пут, но причёска и настроение всё равно уже были испорчены. Все будто воды в рот набрали. Ни Рогалик, ни Булка не могли ничего сказать. В доме Пшеничных наступила редкая тишина. Даже Каравай перестала играть на пианино, прислушиваясь к тому, что творится в соседней комнате.

Вдруг гробовую тишину нарушил сильный грохот. В дверь кто-то звонил, барабанил, стучал изо всей мочи – так сильно, как будто в городе случился пожар.

Пшеничные от мала до велика насторожились. Булка на правах хозяйки пошла открывать дверь.

В коридор, словно вихрь, ворвалась разъярённая Ромовая Бабка, от которой разило алкоголем. Рогалик, бабушка Тюря с испорченной причёской в остатках мишуры и дедушка Тёртый Калач тоже вышли посмотреть, кто к ним пришёл.

– Здравствуйте, что-то случилось? – мягко спросила Булка.

– А вы ещё спрашиваете?! – дыша на маму ромом, возмутилась соседка. – Я больной старый хлебовек!.. – Бабка склонялась над Булкой всё ниже и ниже, так что мама вдруг почувствовала себя маленькой девочкой: – ...Прилегла на часок отдохнуть, а тут этот страшный шум!

Отстраняясь от алкогольных паров, мама спокойно произнесла:

– Я не поняла, объясните, в чём дело.

– Ваша семья не даёт мне спать! Вчера весь день песню про Каравай распевали и на пианино тренькали. Я терпела. Сегодня опять поёте, играете. Я старый хлебовек и нуждаюсь в отдыхе! – Претензии шли по нарастающей, и Ромовая Бабка перешла на крик: – Прекратите это безобразие, иначе я за себя не отвечаю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.